

УДК 811.162.4
doi 10.17072/2073-6681-2024-3-74-80
<https://elibrary.ru/evbncn>

EDN EVBNCN

«Правила словацкого правописания» (1940) и стабилизация норм словацкого литературного языка

Лифанов Константин Васильевич

д. филол. н., профессор кафедры славянской филологии

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. kvlifanov@mail.ru

SPIN-код: 5408-7810

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8347-7466>

ResearcherID: D-6974-2017

Статья поступила в редакцию 02.10.2023

Одобрена после рецензирования 17.12.2023

Принята к публикации 10.03.2024

Информация для цитирования

Лифанов К. В. «Правила словацкого правописания» (1940) и стабилизация норм словацкого литературного языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 3. С. 74–80. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-74-80

Аннотация. В статье рассматриваются причины появления «Правил словацкого правописания» (1940), наиболее важные изменения, внесенные в кодификацию словацкого литературного языка, и их значение в его развитии. Необходимость разработки новых правил правописания возникла сразу же после публикации «Правил словацкого правописания» (1931), не принятых большей частью словацкой интеллигенции, воспринявшей их как первый этап на пути поглощения словацкого языка чешским. Новые правила были подготовлены главным образом лидером пуристического движения в Словакии Г. Бартеком, завершившим работу в 1939 г. Этот вариант, однако, Министерство образования и народного просвещения Словацкой Республики не утвердило и отправило на переработку. «Правила» вышли в следующем году в модифицированном виде и затронули морфологию, лексический состав и орфографию словацкого литературного языка. К числу наиболее важных изменений относятся унификация причастий на *-l* в формах множественного числа, существенное сокращение дублетных форм за счет упразднения форм, совпадающих с чешским языком, обозначение на письме реально произносимых долгих гласных в словах иностранного происхождения, выведение из литературного языка ряда лексем, общих с чешскими, и др. Практически все внесенные изменения способствовали стабилизации норм словацкого литературного языка и были подтверждены в следующих «Правилах словацкого правописания» 1953 г. Более того, в 1953 г. были приняты даже те предложения Г. Бартека, которые были отвергнуты в 1939 г.

Ключевые слова: словацкий литературный язык; официальная кодификация норм; пуризм; фонетические и морфологические изменения; стабилизация норм.

«Правила словацкого правописания» являются официально признанным кодификационным документом, регламентирующим орфографию, фонетику, морфологию, а до 1987 г.¹ и лексический состав словацкого литературного языка.

В истории словацкого литературного языка «Правила словацкого правописания» 1940 г. сыграли стабилизирующую роль и во многом предопределили его дальнейшее развитие. После принятия первых «Правил словацкого правописания»

в 1931 г.² в Словакии сложилась в определенной степени курьезная ситуация: словацкая интеллигенция в своем большинстве их не приняла, тогда как официальные лица стали их использовать на практике. «...Кодификация орфографии, фонетики, морфологии и лексики, которая была узаконена “Правилами словацкого правописания” 1931 г., соблюдалась только в школах, в официальных изданиях и в “централистски” ориентированных публикациях, тогда как в неофициальных и в изданиях Матицы словацкой придерживались “матичного узуса”» [Pauliny 1983: 238], по сути базировавшегося на положениях «Руководства по словацкому литературному языку» С. Цамбела в редакции Й. Шкультеты [Czambel 1915, 1919]. Языковую ситуацию в Словакии в 30-е гг. XX в. описал Я. Есенский в сатирическом романе «Демократы»: «Даже словацкий литературный язык разделился на официальный, “чехословацкий”, централистский и на чистый словацкий, автономистический. Те, кто говорил „kružidlo“, „pravítko“, „inkúst“, „mluvnica“, „menovite“, „okienko“, „rýchle“, „určite“, „modrý“, „rôzne“, „nápadne“, „nemoc“ и т. д. был централистом; те же, кто говорил „cirkel“, „linonár“, „atrament“, „gramatika“, „najmä“, „oblôčik“, „chytro“, „iste“, „belasý“, „rozlične“, „neobyčajne“, „choroba“³, ... был автономистом» [Jesenský].

Не совсем ясна роль Матицы словацкой⁴ в выработке «Правил словацкого правописания» 1931 г. (решение о их публикации было принято 2 октября 1931 г.). На титульном листе «Правил» указано, что их издает Матица словацкая в качестве труда своей орфографической комиссии. Во введении также указывается, что «Правила» не лишены недостатков, но они являются не творением конкретного человека, а коллективным трудом комиссии отделения языка Матицы словацкой [Pravidlá 1931: 9]. Однако на общем собрании 12 мая 1932 г. Матица словацкая выступила с заявлением о вреде «Правил» В. Важного⁵ и приняла решение о разработке пособия с ревизией этих правил.

Сложившаяся ситуация была обусловлена восприятием внесенных в правила языковых изменений как следствия общественно-политической атмосферы в стране. В этот период в Чехословакии была официально принята концепция чехословакизма, согласно которой существует единый чехословацкий народ, говорящий на одном чехословацком языке, который, однако, имеет два варианта литературного языка. Но это явление имеет временный характер, и в будущем два языка сольются в один, причем подразумевалось, что не появится новый язык гибридного характера, а чешский язык фактически поглотит

словацкий. А поскольку «Правила словацкого правописания» имели ряд позиций, по которым словацкий и чешский языки объективно сближались, разработанные «Правила» воспринимались словацкой интеллигенцией как первый шаг на пути слияния языков, поэтому были встречены активным сопротивлением. В это время в Словакии оформляется пуристическое движение во главе с Г. Бартеком (1907–1986), который в 1932 г. основывает журнал «Словенска реч» (Slovenská reč), ставший печатным органом этого движения. И хотя в «Правилах словацкого правописания» 1931 г. был целый ряд позитивных моментов [Лифанов 2017], они оставались вне поля зрения словацкой общественности. Понятно, что в сложившихся обстоятельствах чрезвычайно актуальным становится создание новых правил правописания, которые объединили бы всех пользователей словацкого литературного языка. И такие правила начала разрабатывать созданная комиссия, в которой видную роль играл референт Матицы словацкой лидер пуристов Г. Бартек.

Разработка новых «Правил словацкого правописания» проходила со значительными сложностями, так как вокруг них велась борьба двух центров – Матицы словацкой и редакции журнала «Словенска реч», отстаивающих самобытность словацкого литературного языка, и Братиславского университета, являвшегося опорой централизма.

Первоначальным замыслом Г. Бартека была существенная реформа словацкой орфографии, которая предполагала исключение из литературного языка графемы *y* (*y*) и обязательное обозначение мягкости согласных с помощью апострофа (над графемами *t*, *d*, *l*) или знака мягкости *ˇ* (над графемой *n*). По сути, это был возврат к оригинальной словацкой орфографической системе, начавшей формироваться еще в докодификационный период и закрепленной в кодификациях как А. Бернолака (1787) [Pavelek 1964], так и Л. Штура (40-е гг. XIX в.), от которой при этом отказались в компромиссной «Краткой грамматике словацкого языка» 1852 г., объединившей в языковом отношении католиков, использовавших ранее бернолаковщину⁶, и евангеликов, писавших либо на штуровщине⁷, либо на чешском языке [Krátka... 1852]. Понимая, что добиться согласия Праги на такие изменения будет чрезвычайно сложно, Г. Бартек стремился заручиться поддержкой словацкой общественности. В связи с этим комиссия пыталась выяснить мнение на этот счет политических деятелей и деятелей словацкой культуры, но оказалось, что среди них нет единства в этом вопросе [Bartek 1954: 35]. Вследствие этого Г. Бартек отказывается от радикальной реформы и предлагает лишь упразд-

нить формы причастий на *-l* множественного числа с окончанием *-u*, употреблявшихся при координации с неодушевленными существительными⁸, то есть заменить *ženy, deti robily* «женщины, дети делали» на *ženu, deti robili*.

Создание новых «Правил словацкого правописания» затянулось, но наконец в марте 1938 г. руководству Матицы словацкой была представлена словарная часть правил, а в конце января 1939 г. – описательная часть. 14 марта 1939 г. была провозглашена независимость Словацкой Республики, и уже через несколько дней новые правила были переданы министру образования и народного просвещения Й. Сиваку для утверждения. Матица словацкая полагала, что теперь процесс одобрения новых правил правописания будет иметь формальный характер, однако действительность оказалось совершенно иной. Министр образования и народного просвещения направляет текст правил на рецензию в Братиславский университет (с 1939 г. – Словацкий университет) с целью выяснения того, не являются ли они слишком пуристическими. Комиссия Братиславского университета дает отрицательную оценку новым правилам. Вероятной причиной отрицательной рецензии могло быть то, что Братиславский университет был тесно связан с Карловым университетом в Праге, поэтому выступал против усиления различий между словацкой и чешской орфографией. Кроме того, автор «Правил» был молодым лингвистом, работавшим вне университета [Lipowski 2005: 69]. Когда Г. Бартек увидел, что рецензия была написана его непримиримым оппонентом во взглядах на словацкий язык проф. Я. Станиславом, к которому он испытывал личную неприязнь, и убедился, что Матица словацкая не намерена отстаивать все положения правил правописания, он увольняется из Матицы словацкой, уходит из редакции журнала «Словенска реч» и основывает новый журнал «Словенски язык» (*Slovenský jazyk*). А Матица словацкая занимается переработкой правил правописания, внося в них предложения А. А. Баника, который в это время был библиотекарем, а затем управляющим Словацкой национальной библиотекой в Турчанском св. Мартине. Этот вариант правил был официально одобрен и опубликован в 1940 г.

Из «Правил словацкого правописания», разработанных Г. Бартеком, были устранены следующие положения.

1. Одинаковое написание форм множественного числа всех родов причастий на *-l* с окончанием *-i* (*chlapci robili, ženy robili, deti robili*).

2. Предлоги *z, zo* писать с родительным падежом, а *s, so* – с творительным (*z hládiska* «с

точки зрения», *zo stanoviska* «с точки зрения», *s matkou* «с матерью», *so sestrou* «с сестрой»).

3. Приставки *z, zo, s* писать в соответствии с произношением (*zbierať* «собирать», *zobrať* «взять», *schovať* «спрятать»).

Вместе с тем в них представлено довольно много изменений по сравнению с «Правилами словацкого правописания» 1931 г. Некоторые из них опираются на «Руководство по словацкому литературному языку» в редакции Й. Шкультеты [Czambel 1915] и, по сути, восходят к «Науке о словацком языке» 1846 г. Л. Штура [Štúr 1846/1957]. К ним относятся прежде всего замена основообразующего суффикса инфинитива на *-e* основообразующим суффиксом *-ie-* (*vidieť* «видеть», *rozumieť* «понимать», *trpieť* «страдать», *sedieť* «сидеть», *vedieť* «знать», *hľadiť* «смотреть»; *trieť* «тереть», *vrieť* «кипеть», *mrieť* «умирать», *mliť* «молоть», *tlieť* «тлеть») и в ряде типов спряжения – основообразующего суффикса настоящего времени *-e* основообразующим суффиксом *-ie-* (*mriem, mrieš, mrie, mrieme, mriete* «умираю, умираешь...»; *triem, trieš, trie, trieme, triete* «тру, трешь...»; *beriem, berieš, berie, berieme, beriete* «беру, берешь...»; *ženiem, ženieš, ženie, ženiete* «гоню, гонишь...»).

Другим существенным изменением морфологического характера стало изменение склонения названий животных мужского рода. В «Правилах словацкого правописания» 1931 г. утверждается, что указанные слова, как и в чешском языке, склоняются как одушевленные существительные и в именительном и винительном падежах имеют формы *hadi* «змеи», *orli* «орлы», *psi* «собаки», *vtáci* «птицы», *vlci* «волки», *zajaci* «зайцы», *medvedi* «медведи» – (*videl som*) *verných psov, dravých orlov, vlkov* и т. д. «(я видел) верных псов, хищных орлов, волков». Исключением являются лишь слова *kôň, vol*, которые в указанных формах множественного числа имеют формы, аналогичные формам неодушевленных существительных: *pekné kone, voly* «красивые кони, вола – красивых коней, волов». В народной же речи все названия животных мужского рода во множественном числе склоняются как неодушевленные существительные [Pravidlá 1931: 55–56]. В соответствии же с «Правилами» 1940 г. рассматриваемые существительные во множественном числе склоняются как неодушевленные: *orly* «орлы», *sokoly* «соколы», *hady* «змеи» (*vidím veľké orly, sokoly, hady* «я вижу больших орлов, соколов, змей») и т. п.; *zajace* «зайцы», *medvede* «медведи», *jelene* «олени», *motýle* «бабочки», *lipne* «хариусы» и т. п. Формы же одушевленных существительных они приобретают при олицетворении: *Vy hadi!* «Вы, змеи!», *Vy medvede nemotorní!* «Вы,

неуклюжие медведи!» Слова же *vlk* «волк», *pes* «собака» и *vták* «птица» во множественном числе обычно имеют формы *vlci*, *psi* и *vtáci* (реже *psy* и *vtáky*) [Pravidlá 1940: 81]. По сути, это был возврат к кодификации Л. Штура [Štúr 1846/1957: 191–192].

Изменилось и склонение существительных среднего рода типа *drama*, заимствованных из греческого языка. Если в «Правилах» 1931 г. такого рода существительные имеют разнородное склонение, поскольку часть из них являются существительными женского рода и склоняются соответствующим образом (*astma* «астма», *panoráma* «панорама» – род. пад. *astmy*, *panorámy*), а другая часть сохраняет средний род языка-источника и либо, как в чешском языке, склоняется с наращением (*staré drama* «старая драма», *téma* «тема» – род. пад. *starého dramata* / *dramatu*, *témata* / *tématu*), либо вообще не склоняется (*cirkevné schizma* «церковный раскол» – род. пад. *cirkevného schizma*), то в «Правилах» 1940 г. все эти существительные являются существительными женского рода и соответственно склоняются (*schizma* – род. пад. *schizmy*).

В «Правилах» 1940 г. появляется специфическое адъективно-субстантивное склонение существительных женского рода типа *gazdiná* «хозяйка», *kráľovná* «королева», *princezná* «принцесса», которые в предшествующих правилах в именительном падеже единственного числа имели окончание краткое *-a* и, как и в чешском языке, склонялись аналогично другим существительным женского рода с этим окончанием; ср.: род. пад. ед. числа *gazdiny*, *kráľovny*, *princezny*⁹ (1931) – *gazdinej*, *kráľovnej*, *princeznej*.

Из словацкого литературного языка были исключены слова с начальным сочетанием сонорного с шумным согласным, нехарактерные для диалектов словацкого языка, но типичные в чешском. В «Правилах» 1940 г. такие слова обозначены звездочкой (*) как неверные, тогда как в «Правилах» 1931 г. они считались литературными; ср.: *rváč = bitkár, *rvačka = ruvačka, *lhat¹⁰ = luhat', *lhár = luhár, *rtut' = ortut'.

«Правила словацкого правописания» 1940 г. возвращают в литературный язык действительные причастия прошедшего времени, выведенные из него «Правилами» 1931 г.; ср.: *Dieťa, poplakavší si na lone materinom, zaspalo* «Ребенок, поплакавший на коленях у матери, уснул»; *Dieťa poplakavší si zaspalo* «Поплакавший ребенок уснул» [Pravidlá 1940: 114–115].

Усилению различий между названными языками способствовало уменьшение количества дублетных морфологических форм в пользу оригинальных словацких. Так, из дублетов *hrášek* / *hrášok* «горошек», *krúžek* / *krúžok* «кружок»,

prášek / *prášok* «порошок» (чешск. *hrášek*, *kroužek*, *prášek*) кодифицированными остаются лишь лексемы с беглым *-o-*, из дублетов с суффиксом *-areň/-árň(a)* *dreváreň* / *drevárňa* «дровяной сарай», *sypáreň* / *sypárňa* «амбар», *pekáreň* / *pekárňa* «хлебозавод» (чешск. *dřevník*¹¹, *sypárna*, *pekárna*) – лишь формы с нулевым окончанием, из дублетных форм существительных женского и среднего рода с основой на мягкий согласный с предшествующим долгим слогом *služka* «слуга» – *služok* / *služek*, *túžba* «желание» – *túžob* / *túžeb*, *vajíčko* «яичко» – *vajíček* / *vajíčok* (чешск. *služek*, *tužeb*, *vajíček*) сохраняются лишь формы со вставным *-o-*, аналогично и у слова *kliatba* «проклятие» – *kliateb* / *kliatob* (чешск. *klateb*), из дублетных форм существительных с суффиксом *-iec* / *-ec* типа *koniec* / *konec* «конец», *veniec* / *venec* «венки», *hrniec* / *hrnec* «горшок», *čepiec* / *čepes* «чепчик» (чешск. *konec*, *věnes*, *hrnec*, *čepes*) остаются лишь формы с суффиксом *-iec*, а из многократных глаголов с нарушением ритмического закона типа *čítavať* / *čítavať* «читать», *drúzgavať* / *drúzgavať* «расколачивать» были сохранены лишь формы с его реализацией¹².

Интерес представляет также начальный этап утраты форм родительного падежа множественного числа существительных женского и среднего рода с вставным гласным *ô*. Если в кодификации Л. Штура подобные формы отсутствуют [Štúr 1957: 200], то в грамматике С. Цамбела, напротив, они представлены широко. Формы с этим вставным гласным имеют существительные, у которых в конце основы есть сочетания *bk*, *pk*, *dk*, *lk*, *rk*, *nk*, *mk*, *sk*, например: *žabka* «лягушка» – *žabók*, *babka* «бабушка» – *babók*, *kopka* «кучка» – *kopók*, *čipka* – *čipók* «кружево», *štipka* «щепотка» – *štipók*, *labka* «лапка» – *labók*, *hrudka* «грудка» – *hrudók*, *záhradka* «садик» – *záhradók*, *kobylka* «кузнечик» – *kobylók*, *habarka* «мутовка» – *habarók*, *marka* «марка (валюта)» – *marók*, *uhorka* «огурец» – *uhorók*, *jamka* «ямка» – *jamók*, *miska* «блюдо» – *misók* и т. д., но если в литературном языке уже устоялись формы с другими вставными гласными, они сохраняются, например: *daska* «доска» – *dasák* / *dasiek* и т. п. В «Правилах словацкого правописания» 1931 г. у указанных существительных кодифицируются дублетные формы: *žabka* – *žabiek* / *žabók*, *babka* – *babiek* / *babók*, *čipka* – *čipiek* / *čipók*, *jamka* – *jamiek* / *jamók*, *výšivka* «вышивка» – *výšiviek* / *výšivók*, *kobylka* – *kobyliet* / *kobylók*, *miska* – *misiek* / *mysók* и т. д. В «Правилах» же 1940 г., хотя и назван дифтонг *ô* в числе возможных вставных гласных, примеры с ним не приводятся; ср.: *žabka* – *žabiek*, *jamka* – *jamiek*, *výšivka* – *výšiviek*, *čipka* – *čipiek* / *čipák*. Отметим, что в современном словацком литературном языке представлено все-

го одно слово (*čipka*), сохранившее форму родительного падежа множественного числа со вставным гласным *ô*: *čipka* – *čipiek* / *čipók*.

При разработке «Правил» 1940 г. была проделана значительная лексикографическая селекция словарного состава. Ее основной целью было прежде всего выведение из словацкого литературного языка определенного количества слов, общих с чешским языком. В связи с этим довольно большое количество слов снабжается звездочкой (*), означающей, что данное слово не рекомендуется употреблять. При этом приводится слово, которое является литературным эквивалентом слова со звездочкой. Ср. примеры: **angrešt* = *egreš* «крыжовник», **čočka* (чешск. *čočka*) = *šošovica* «чечевица», **dievčí* (чешск. *dívčí*) = *dievčenský* «девичий», **divoký* (чешск. *divoký*) = *divý* «дикий», **doopravdy* (чешск. *doopravdy*) = *naozaj* «действительно», **dopis* (чешск. *dopis*) = *list* «письмо», **drtiť* (чешск. *drtiť*) = *drviť* «дробить», **hájny* (чешск. *hájny*) = *hájnik* «лесник», **chlúba* (чешск. *chlouba*) = *pýcha* «гордость», **hřište* (чешск. *hřiště*) = *ihrisko* «игровая площадка», **hřebík* (чешск. *hřebík*) = *klinec* «гвоздь», **hrobitov* (чешск. *hřbitov*) = *cintorín* «кладбище», **tiaž* (чешск. *tíha*) = *táča* «тяжесть», **kartáč* (чешск. *kartáč*) = *kefa* «щетка»; **velblúd* (чешск. *velbloud*) = *táva* «верблюд», **venkov* (чешск. *věnkov*) = *vidiek* «сельская местность». Были кодифицированы также фонетические варианты некоторых слов, отличающиеся от соответствующих чешских: **česnak* (чешск. *česnek*) = *cesnak* «чеснок», **hruza* (чешск. *hrůza*) = *hrôza* «ужас», **četa* (чешск. *četa*) = *čata* «взвод», **cvrček* (чешск. *cvrček*) = *svrček*.

Существенные изменения затронули орфографию, причем они также способствовали отделению словацкого литературного языка от чешского. Среди них принципиальное место занимает обозначение долготы гласного в словах иностранного происхождения, в которых произносятся долгие гласные¹³, например: *ananás*, *Ázia*, *dátum*, *hektár*, *impresário*, *mágia*, *rádio*, *acetylén*, *arménsky*, *epidémia*, *chémia*, *komédia*, *kométa*, *poézia*, *aluminium*, *brazílsky*, *individuum*, *minus*, *pyramída*, *agónia*, *axióma*, *filharmónia*, *glóbus*, *irónia*, *kónický*, *mauzóleum*, *pavilón*, *pulóver*, *figúra*, *fúga*, *imúnny*, *ilyrsky*, *lyceum* и др.

Заметным изменением, отдаляющим словацкий язык от чешского, стала кодификация написания ряда слов с удвоенным *n*, тогда как чешский сохранил первоначальное написание данных слов с одним *n*: *denník* «дневник», *tyždenník* «еженедельник», *nádenník* «батрак», *čalúnník* «обойщик», *zákonník* «свод законов», *senník* «сеновал».

В некоторых словах *y* (*y*) был заменен на *i* (*i*): *tovariš* «подмастерье», *tiger* «тигр», *ríbezle* «смо-

родина», *richtár* «бурмистр», *rinok* «рынок». В чешском же осталось первоначальное написание: *tovaryš*, *tygr*, *rybíz*, *rychtár*, *rynek*.

Было возвращено старое написание числительных, обозначающих десятки: *dvacať* (чешск. *dvacet*) > *dvadsať*, *tricať* (чешск. *tricet*) > *tridsať*, *štyricať* (чешск. *čtyřicet*) > *štyridsať*, *pädesiat* (чешск. *padesát*) > *päťdesiat*, *šesdesiat* (чешск. *šesdesiat*) > *šestdesiat* и т. д.

Были внесены и некоторые изменения, касавшиеся написания отдельных слов, например: *preca* (чешск. *přece*) > *predsa* «все же», *súsed* (чешск. *soused*) > *sused* «сосед», *zamestnavateľ* (чешск. *zamestnavatel*) > *zamestnávateľ* «работодатель» и др.

Практически все внесенные изменения были затем подтверждены в следующих правилах правописания, изданных в 1953 г. [Pravidlá 1953]. Более того, в следующих правилах были одобрены непринятые изменения, предлагавшиеся Г. Бартеком, в 1953 г., хотя негативное отношение к пуристам постоянно декларировалось. Таким образом, «Правила словацкого правописания» 1940 г. способствовали стабилизации нормы словацкого литературного языка и в значительной степени указали путь его дальнейшего развития.

Примечания

¹ С 1987 г. кодификационным документом лексического состава является «Краткий словарь словацкого языка», несколько раз переиздававшийся с изменениями; в последний раз – в 2020 г. [Krátky... 2023].

² О «Правилах словацкого правописания» 1931 г. см: [Лифанов 2017].

³ В двух рядах приведены слова с одинаковым значением: «цикуль», «линейка», «чернила», «грамматика», «главным образом», «окошко», «быстро», «конечно», «синий/голубой», «по-разному», «необычно», «болезнь».

⁴ Национальная культурно-просветительская организация в Словакии, основанная в 1863 г., но закрытая в 1875 г. и возрожденная в 1919 г. после создания Чехословакии.

⁵ Вацлав Важный (1892–1966) – профессор Братиславского университета, этнический чех, главный редактор «Правил словацкого правописания» 1931 г.

⁶ Бернолаковщина – литературный язык, кодифицированный А. Бернолаком.

⁷ Штуровщина – литературный язык, кодифицированный Л. Штуром, до принятия компромиссного варианта.

⁸ В словацком языке одушевленными могут быть только существительные мужского рода.

⁹ В чешском языке представлены аналогичные формы; слово *gazdiná* отсутствует.

¹⁰ В «Правилах» 1931 г. это слово имеет двойную огласовку: *lhať/luhať*.

¹¹ В чешском языке существует и слово *dřevárna*, имеющее значение «игра на природе в исторических костюмах с деревянным оружием».

¹² В чешском языке ритмический закон отсутствует.

¹³ В чешском литературном языке в заимствованных словах долгота гласного, как правило, не обозначается.

Список литературы

Лифанов К. В. «Правила словацкого правописания» 1931 г. в контексте развития словацкого литературного языка // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Кн. III. М.: Изд. дом ЯСК, 2017. С. 357–372.

Bartek H. Pravidlá slovenského pravopisu // Most, r. 1, 1954, č. 2. S. 35–39.

Czambel S. Rukoväť spisovnej reči slovenskej. Druhé vydanie. Turčianský sv. Martin: Nákladom Knihotlačiarkeho účast. spolku, 1915. 376 s.

Czambel S. Rukoväť spisovnej reči slovenskej. Tretie vydanie. Turčianský sv. Martin: Nákladom Knihotlačiarkeho účast. spolku, 1919. 330 s.

Jesenský J. Demokrati. URL: https://royalib.com/jesensk_janko/demokrati.html#0 (дата обращения: 20.06.2023).

Krátka mluvnica slovenská. V Prešporku: tiskom predtým Schmidovým, 1852. 68 s.

Krátky slovník slovenského jazyka. Martin: Vydavateľstvo Matice slovenskej, 2023. 960 s.

Lipowski J. Konvergence a divergence češtiny a slovenčiny v československém státě. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. 200 s.

Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1983. 248 s.

Pavelek J. (ed.). Gramatické dielo Antona Bernoláka. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1964. 556 s.

Pravidlá slovenského pravopisu s abecedným pravopisným slovníkom. Praha: vydala Matica slovenská nákladom Štátneho nakladateľstva, 1931. 364 s.

Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom. Turč. Sv. Martin: Matica slovenská, 1940. 482 s.

Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným a gramatickým slovníkom. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1953. 408 s.

Štúr L. Náuka reči slovenskej // L. Štúr. Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. Slovenčina naša. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1957. S. 153–253.

References

Lifanov K. V. 'Pravila slovatskogo pravopisania' 1931 g. v kontekste razvitiya slovatskogo literaturnogo yazyka ['Slovak Spelling Rules' of 1931 in the context of the Slovak literary language development]. Aktual'nye etnoyazykovye i etnokul'turnye problemy sovremennosti. Kniga III [Current Ethnolinguistic and Ethnocultural Issues of Our Time. Book III]. Moscow, LRC Publishing House, 2017, pp. 357–372. (In Russ.)

Bartek H. Pravidlá slovenského pravopisu [Slovak Spelling Rules]. Most [Bridge], r. 1, 1954, issue 2, pp. 35–39. (In Slovak)

Czambel S. Rukoväť spisovnej reči slovenskej [A Guide to the Slovak Literary Language]. 2nd ed. Turčianský sv. Martin, Nákladom Knihotlačiarkeho účast. spolku, 1915. 376 p. (In Slovak)

Czambel S. Rukoväť spisovnej reči slovenskej [A Guide to the Slovak Literary Language]. 3rd ed. Turčianský sv. Martin, Nákladom Knihotlačiarkeho účast. spolku, 1919. 330 p. (In Slovak)

Jesenský J. Demokrati [Democrats]. Available at: https://royalib.com/jesensk_janko/demokrati.html#0 (accessed 20 June 2023). (In Slovak)

Krátka mluvnica slovenská [Brief Grammar of the Slovak Language]. V Prešporku, tiskom predtým Schmidovým, 1852. 68 p. (In Slovak)

Krátky slovník slovenského jazyka [Concise Dictionary of the Slovak Language]. Martin, Vydavateľstvo Matice slovenskej, 2023. 960 p. (In Slovak)

Lipowski J. Konvergence a divergence češtiny a slovenčiny v československém státě [Convergence and Divergence of the Czech and Slovak Languages in the Czechoslovak State]. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. 200 p. (In Czech)

Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť [History of Literary Slovak from the Origins to the Present]. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1983. 248 p. (In Slovak)

Pavelek J. (ed.). Gramatické dielo Antona Bernoláka [Grammatical Work of Anton Bernolák]. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1964. 556 p. (In Lat. and In Slovak)

Pravidlá slovenského pravopisu s abecedným pravopisným slovníkom [Rules of Slovak Orthography with an Alphabetical Spelling Dictionary]. Prague, vydala Matica slovenská nákladom Štátneho nakladateľstva, 1931. 364 p. (In Slovak)

Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom [Rules of Slovak Orthography with a Spelling Dictionary]. Turč. Sv. Martin, Matica slovenská, 1940. 482 p. (In Slovak)

Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným a gramatickým slovníkom [Rules of Slovak Orthography with a Spelling and Grammar Dictionary]. Bratislava, Vydavateľstvo SAV, 253. 482 p. (In Slovak)

Štúr Ľ. *Náuka reči slovenskej* [The Science of the Slovak language]. Ľ. Štúr. Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. *Slovenčina naša* [Our Slovak Language]. Bratislava, Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1957, pp. 153–253. (In Slovak)

‘Slovak Spelling Rules’ of 1940 and the Stabilization of the Slovak Literary Language Norms

Konstantin V. Lifanov

Professor in the Department of Slavic Languages

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

SPIN-code: 5408-7810

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8347-7466>

ResearcherID: D-6974-2017

Submitted 02 Oct 2023

Revised 17 Dec 2023

Accepted 10 Mar 2024

For citation

Lifanov K. V. «Pravila slovatskogo pravopisaniya» (1940) i stabilizatsiya norm slovatskogo literaturnogo yazyka [‘Slovak Spelling Rules’ of 1940 and the Stabilization of the Slovak Literary Language Norms]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 3, pp. 74–80. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-74-80 (In Russ.)

Abstract. The article deals with the reasons behind the appearance of the *Slovak Spelling Rules* of 1940, the most important changes introduced in the codification of the Slovak literary language, and their significance in the development of the language. The need to develop new spelling rules arose immediately after the publication of the *Slovak Spelling Rules* of 1931, which were not accepted by the majority of Slovak intelligentsia, who perceived them as the first stage on the way to the absorption of the Slovak language by the Czech one. The new rules were prepared mainly by the leader of the purist movement in Slovakia, H. Bartek, who completed his work in 1939. That version, however, was not approved by the Ministry of Education of the Slovak Republic and was sent for revision. The *Rules* were published the following year in a modified form and affected the morphology, lexical composition, and orthography of the Slovak literary language. Among the most important changes were the unification of the *-l* participles in plural forms, a significant reduction of doublet forms by abolishing forms coinciding with the Czech language, the written marking of actually pronounced long vowels in words of foreign origin, the removal from the literary language of a number of lexemes common with Czech, and others. Practically all the changes made contributed to the stabilization of the Slovak literary language norms and were confirmed in the subsequent *Slovak Spelling Rules* of 1953. Moreover, in 1953 even the proposals of H. Bartek rejected in 1940 were adopted.

Key words: Slovak literary language; official codification of norms; purism; phonetic and morphological changes; stabilization of norms.